

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТ
ЗОЛОТАЯ
ФАНТ
ЗОЛО
ФА
ЗО
Ф
З
С

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

ХРОНОВЫВЕРТ

ДЕРЕВО

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

РЕЛИКТ

МЕРА ВЕЩЕЙ

ФУОР

ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ

СПЯЩИЙ ДЖИНН

ВЛАДЫКИ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я
1

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ
ВСТРЕЧИ

СБОРНИК

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Составитель *Андрей Зильберштейн*

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке
художника *Анатолия Дубовика*

Головачёв, Василий Васильевич.

Г61 Непредвиденные встречи : сборник / Василий Головачёв. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 992 с.

ISBN 978-5-699-92950-4

На сегодняшний день Василий Головачев — один из самых известных и любимых писателей научной фантастики. И без сомнения, в его обширном творчестве наиболее интересен цикл «Управление Аварийно-Спасательной Службы» (УАСС), мир которого расширяется и растет вместе с возрастом мастера автора.

В данную книгу вошли практически все ранние тексты Василия Головачева, посвященные УАСС и выстроенные по внутренней хронологии цикла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Головачёв, 2016
© А. Зильберштейн, вступительная
статья, приложение, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-92950-4

ЕСТЬ ТАКАЯ СЛУЖБА

Автор этой книги в представлении не нуждается. Ворвавшийся в начале 90-х на вершину топа отечественной фантастики, Василий Головачев к настоящему моменту стал писателем, на книгах которого выросло не одно поколение читателей. Начинаясь с отдельных книг «Реликт», «Черный человек», «Реквием машине времени», «Смерш-2» стали многотомными эпопеями. Появились другие циклы, раскрывающие новые грани таланта автора. И, в итоге, так сложилось, что современные поклонники творчества Василия Головачева даже не представляют, а с чего же все началось...

Первые годы УАСС

Далекий 1978 год. В ежегодной антологии «Фантастика» издательства «Молодая Гвардия» выходит небольшая повесть тогда еще практически не известного Василия Головачева «Великан на дороге». Рассказ о попытке найти контакт с иным разумом на планете Тартар был классической советской космической фантастикой — чуждая, угрожающая жизни планета, герои-земляне, и... финал с богом из машины — инопланетяне разжевывают людям происхождение. Для нас же ключевым является то, что именно в этом рассказе впервые было упомянуто Управление аварийно-спасательной службы (УАСС). Спустя год в днепропетровском издательстве «Промінь» увидит свет первая сольная книга писателя — «Непредвиденные встречи». Читатель внимательный уже может вспомнить это название, ведь позднее эта повесть станет первой частью эпопеи «Реликт», однако интереснее другое: второй частью «Встреч» стал как раз «Великан на дороге», но в переработанном виде. Финал, сохранив общий смысл, изменился, и исходная повесть при этом заиграла новыми красками. Впоследствии такой подход стал

фирменным знаком Василия Головачева: более поздние тексты включают в себя ранние и с этого момента издаются как единое целое.

Но вернемся к истории. В том же 1979-м в журнале «Искатель» выходит рассказ «Катастрофа» о борьбе с последствиями аварии, из-за которой поток радиоактивных частиц, сметающий все на своем пути, уходит в направлении обитаемых космических станций. Главными героями стали специалисты УАСС, и в частности, Диего Вирт, который уже успел «засветиться» в «Непредвиденных встречах» и рассказе «Дерево» на тот момент изданном только на украинском языке. С этих произведений и начал разрастаться мегацикл, к которому можно отнести больше половины текстов писателя. Сквозными персонажами в первых рассказах и повестях об УАСС стали Грехов, Джаваир, Шелгунов и Вирт; первая же книга о семье Ромашиных, хорошо известной поклонникам автора, впервые на страницах серии появилась только в 1987 году в повести «Спящий джинн».

В отличие от классиков американской фантастики, Василий Головачев не планировал создавать расписанную детально панораму будущего изначально. Книги об УАСС, созданные в 80-е годы XX века, — это отдельные картины двадцать второго (и изредка двадцать третьего) столетий, не образующие единого полотна, но зачастую связанные общими героями и, конечно, самим Управлением. Мы практически не увидим, чем живет Земля, не узнаем, через какие катаклизмы прошло человечество, чтобы появилось мировое правительство, просто потому что цикл совсем не об этом, а о людях. Причем общество уже перешло на более высокую стадию отношений. Эгоизм, стремление к власти, равнодушие к чужому горю и т.п. считаются зоологическими атавизмами психики, патологиями морали и этики. Наделенные подобными качествами люди просто больны и требуют лечения. Мир по Головачеву оказывается идейно где-то между «Великим Кольцом» Ефремова и «Полднем» Стругацких, однако тематика произведений кардинально отличается и от того, и от другого.

Все ранние тексты об УАСС посвящены величию человеческого духа, проявляющемуся во время столкновения с неизведанным. Сам УАСС — аналог МЧС будущего с отдельными функциями ФСБ, а работающие в управлении люди — герои, готовые рисковать жизнями ради других. Однако, в отличие от подавляющего числа книг о спасителях мира, Головачев отдает должное не только личному мужеству и стойкости своих персонажей, но и самой организации системы спасения.

Вера писателя не только в отдельных людей, но и в человечество в целом пронизывает тексты того периода. И следствием этой

веры становятся основные конфликты в произведениях. В ранних книгах об УАСС нет антагонистов. Нет какого-то безжалостного врага, с которым идет война не на жизнь, а на смерть. Описываются ли природные катаклизмы на Земле или в космосе, обнаруживаются ли загадочные инопланетные объекты, или что-то случается с самим потоком времени — не важно. Природа происходящего исходно непознаваема, но при том и не враждебна сама себе. Главная задача не сразиться, не победить, а понять, что же именно происходит. «Спящий джинн», первые части «Реликта», «Отклонение к совершенству» — все ключевые произведения об УАСС того периода — построены по подобной схеме. И все они представляют собой качественную научную фантастику, достаточно серьезно использующую актуальные на тот момент физические теории о структуре пространства-времени.

Становление

На рубеже 90-х оказалось, что страна вокруг меняется. С одной стороны, стало гораздо легче опубликовать свои произведения, а с другой — светлое будущее перестало быть столь однозначно светлым. В этот период цикл об УАСС начал трансформироваться. Появляются новые типы конфликтов, благодаря которым противостояние спецслужб человечества и инопланетных агрессоров через какое-то время станет одним из любимых сюжетов писателя. На передний план выходят темы, которые раньше только давались набросками. Научный подход и серьезная философская база при этом никуда не делись. Вдобавок, именно тогда Василий Головачев постепенно уходит от отдельных произведений к масштабным сериям, посвященным собственным вариантам развития человечества. Так начинает формироваться эпопея «Реликт», третья и четвертая части которой впервые увидели свет в 1991-м.

Ключевым же произведением этого периода становится масштабный роман «Черный человек». Книга, переломная для творчества писателя. История героя, чье сознание «отравлено» чужеродной информацией настолько, что он перестает быть только человеком, состоит из двух книг, созданных с разницей в несколько лет. И эти книги — как два разных мира. Первая — светлый мир раннего Головачева. А вторая — текст автора, которому постепенно становится тесно в той, прежней вселенной, в рамках классической НФ.

Окончательно перемены наступили с выходом в 1995-м «Бича времен» (и через год его прямого продолжения — романа «Схрон»), а также пятой и шестой частей «Реликта» в одном томе. Все эти книги вышли в серии «Фантастический боевик», и содержание ро-

манов полностью соответствовало серии. «Бич времен» оказался расширенной версией романа «Реквием машине времени», вышедшего за пять лет до этого. Редкая для творчества Василия Головачева фантастика о природе во времени была крайне необычной для своего времени, но обладала открытым финалом, и писатель этим воспользовался. Благодаря дописаной части в «Биче времен» были переиграны идеи «Реквиема», добавились боевые сцены, а на передний план вышло противостояние условного «добра» с не менее условным «злом». «Реликты» же оказались подвержены влиянию другого романа автора, «Смерш-2», с его повышенным вниманием к боевым искусствам, протагонистом-супергероем и, вновь, противостоянием с чуждыми силами, жаждущими подчинить нашу вселенную.

Последующие романы, так или иначе продолжающие ранние произведения об УАСС, полны «экшена». Борьба с существами все более и более могущественными выходит на уровень устройства вселенной, на уровень борьбы Законов мироздания. При этом крайне интересно наблюдать трансформацию человечества на фоне этой самой борьбы. Колебания маятника морали и этики человечества при неизменном росте его технических возможностей. Персонажи поздних книг эпопеи «Хроники Реликта» для своих предков из первых книг серии казались бы богами в техническом плане, но далеко не всегда бы выигрывали в моральном. Открывая новый роман писателя, продолжающий серию, нельзя предсказать, что именно мы в нем увидим. И этот факт объясняет неизменный интерес читателя к продолжениям любимых серий ...

Мультиверсум

Начиная с самых первых произведений об УАСС, в цикле порой встречались нестыковки с датировками событий, описаниями техники, несовпадения с должностями одних и тех же героев. Однако, все это присутствовало в малых количествах, и восприятию вселенной как единого целого не слишком мешало. Но чем больше разрастались подциклы, тем больше между ними накапливалось противоречий. Вселенная «Реликта» развивалась в одну сторону, вселенная «Черного Человека» в другую, «Джинны» — в третью. Решением проблемы стала идея Древа Времен, сформулированная в романе «Схрон», но раскрывшая свой потенциал только в книге «По ту сторону огня»:

«...Наша Вселенная представляет собой одну из Ветвей Фрактального Дендроконтинуума, или Ветвь Древа Времен. [...] Каждая Ветвь, или проще — Метавселенная [...] — делится на копии каждый последующий квант времени. Копий получается столько, сколько

потенциальных вариантов развития может допустить физическая ситуация. Затем последующие копии тоже делятся, и так почти до бесконечности, пока полностью не исчерпаются все вероятностные вариации. В результате Большая Вселенная представляет собой непрерывно растущий «ком мыльной пены» — Фрактал Времен».

Существование множества похожих друг на друга вселенных, где живут практически те же герои, но развитие человечества пошло чуть-чуть иначе, оказалось идеальным выходом. Все мелкие нестыковки объясняются тем, что события происходят в соседних, но не идентичных «пузырях». Любое количество вариантов развития, любые варианты жизни персонажей и, конечно же, возможность создавать кроссоверы с героями из разных Ветвей Древа, что и было отлично воплощено в «По ту сторону огня» и «Палаче времен».

* * *

Пара слов о книге, которую вы держите в руках.

В «Непредвиденные встречи» вошли практически все ранние тексты Василия Головачева, посвященные УАСС. Несмотря на то, что события в них, скорее всего, происходят в разных Ветвях Древа Времен, по ним можно понять общую хронологию вселенной, ведь отличия в мелких деталях не отменяют прямых связей между повестями и рассказами цикла. Именно по такой хронологии и выстроены произведения в томе.

Конечно, одной книгой вселенная УАСС, созданная талантом Василия Головачева, не ограничивается. Существуют многочисленные продолжения, часть из которых в настоящей статье упомянута, часть нет. Чтобы не запутаться во всем этом многообразии, в конце книги приложена библиография цикла с указанием принадлежности всех произведений к различным подсериям.

Мультивселенная цикла не стоит на месте, она развивается на протяжении десятилетий, становится все больше и масштабнее, оставаясь при том столь же привлекательной для читателя. И кто знает, может быть и года не пройдет, как Василий Головачев порадует поклонников книгой, открывающей новую ветвь Древа Времен. Но пока этого не случилось стоит вернуться к истокам и вспомнить тот УАСС, которого больше нет...

Андрей Зильберштейн

Особый контроль

Глава 1

Игра

В мягкой фиолетовой полутьме ее лицо словно светилось изнутри розовым светом, и необычным казался его овал в черной волне ощутимо тяжелых волос. Станным было лицо, безжизненным, одно выражение застыло на нем — безнадежность. Может быть, темнота ее глаз скрывала и боль, и слезы, но слова были резкими, жесткими и беспощадно чужими. Жестокие слова, от которых замерло движение в воздухе и повеяло холодом... И Филипп сказал почти равнодушно, чтобы прервать этот разговор, чтобы ей было легче — он еще не понимал до конца, не хотел понимать, что она уходит, — чтобы тяжесть вины — да и была ли она виновата? — легла на двоих:

— Хорошо, не будем больше об этом.

Аларика облегченно вздохнула, вскинула голову и снова опустила, теперь уже виновато. И было в этом движении то, чего больше всего не понимал Филипп, — неуверенность. Непонятный получался разговор: говорила она прямо и энергично, но неуверенными выглядели жесты, неуверенность звучала в ее отрывочной речи.

Молчание заполнило комнату: она не знала, что делать дальше, он пытался понять, почему оказался в таком положении. Почему? Десять лет детской дружбы, множество ссор и примирений с помощью друзей — оба упрямы и горды — и любовь... Любовь ли? Может, не было любви?

— Прости, — сказал он, с трудом шевеля губами. — Я, наверное, от природы инфантилен и не могу понять, что происходит. Объясни мне наконец, это что, так серьезно?

Первая публикация:
Василь Головачов. Простір неспокою. — Киев: Молодь, 1985 (*укр.*); в сборнике «Особый контроль». — М.: Молодая гвардия, 1992 (*рус.*).

Аларика судорожно кивнула. На слова не хватало сил, а еще она боялась, что решимость ее угаснет совсем и эта агония их любви, которой он не хочет замечать, продлится еще долго, долго...

— Я тебя всегда понимал с трудом, — продолжал Филипп, все еще на что-то надеясь. — Наверное, я слишком медленно взрослею. И все же... вот ведь парадокс — я тебе не верю!

Он подождал несколько секунд, всматриваясь в ее лицо, ставшее вдруг чужим и далеким, и рывком выбросил свое сильное тело из кресла.

— Что ж, прощай. Что еще говорят в таких случаях? Желаю удачи и счастья.

Прошагал до двери, оглянулся, ничего не увидев, и вышел. И только за сомкнувшейся дверью ощутил странную сосущую пустоту, холодную, как ледяной грот, и понял, что это действительно серьезно, серьезней не бывает, и ему до боли в груди захотелось броситься назад, стать на колени и пусть даже не видеть ее, только чувствовать рядом, ощущать ее тепло, дыхание... Но вернуться было уже невозможно, там выросла стена, толстая стена из двух слов: «Люблю другого... Люблю другого! Люблю другого!!» Когда она успела? И кто он, покоривший доселе независимый ее характер? Или это всего-навсего слова, проверка чувства?.. Нет, не может быть! Так жестоко шутить она не способна. Значит, на самом деле существует этот третий, замкнувший тривиальный треугольник! И не поможет никто. Никто! Потому что это, наверное, единственный случай, не подвластный даже аварийно-спасательной службе, когда — человек, помоги себе сам!

Кто-то прошел по коридору. Филипп открыл глаза...

Филипп открыл глаза и виновато улыбнулся, все еще пребывая во власти воспоминаний. Рядом с пультом вычислителя стоял Травицкий и смотрел на развернутый объем мыслепроектора, постукивая по груди пухленькими пальчиками. Метровый куб проектора был заткан цветами, и в его глубине, в раствор стационарной ТФ-антенны¹, было вписано лицо Аларики.

— Извините, — пробормотал Филипп, стирая изображение. — Задумался...

Травицкий грустно покивал.

— Я не удивляюсь. Привык. У тебя, кажется, завтра ответственный матч?

— Финал Кубка континентов, — сказал Филипп, не поднимая глаз.

¹ ТФ — тайм-фаг — система мгновенной транспортировки материи. (Здесь и далее примеч. авт.)

«Зачем я только пришел сюда сегодня, — подумал он, — все равно от меня толку, что от козла молока. У Травицкого и без меня забот хватает. Надо же, размечтался с эмканом на голове! Аларику нарисовал... Почему я вспомнил о ней? Согласно всем нормам психомоделистов я должен сейчас думать об игре. Или перегорел? Нет, просто запретил себе думать об игре. А на Аларику, выходит, запрета не хватает. Слаб ты еще, Филипп Ромашин, конструктор, спортсмен и так далее...»

— Иди отдыхай, — посоветовал Травицкий. — Эту конструкцию, — он кивнул на пустой объем мыслепроектора, — списываю только за счет твоего волнения. На твоём месте я слетал бы куда-нибудь один, например, в Музей истории. Кстати, у меня к тебе один не совсем обычный вопрос: не замечал ли ты каких-нибудь поразивших тебя явлений?

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросил Филипп.

— Ну... что-нибудь странное, экстраординарное, выходящее за рамки обыденности, ранее не встречающееся...

— По-моему, нет, не встречал. А может, не обращал внимания?

— Так обрати. — Травицкий кивнул, погрузившись еще больше, пожелал удачи и вышел. Маленький, круглый, грустный. Начальник конструкторского бюро, лучший специалист Института ТФ-связи.

Филипп снял с головы корону мыслеуправления, называемую в быту эмканом, постоял у пульта, размышляя о своих отношениях с людьми, которые понимали его больше, чем он сам. Начальник бюро Кирилл Травицкий... человек, сделавший из него конструктора-функционала, никогда не высказывающий недовольства его постоянными увлечениями, капризами... волейболом, наконец. Хотя волейбол не увлечение и не каприз, это жизненно важная потребность, без которой нет смысла в слове «спорт». Как их совместить — работу в институте, требующую постоянных занятий, и большой спорт, требующий полной самоотдачи? Как совместить несовместимое?

— Проблема! — пробормотал Филипп, пряча эмкан в нишу под пультом. — Что хотел сказать Кирилл? Что он подозревал под словами «необычные явления»? Что-то конкретное или это просто очередной тест на внимательность? Странно... А я сегодня и в самом деле заторможен, не сказалось бы это на игре. Надо встряхнуться... как тогда, пять лет назад...

...Шаги смолкли. Филипп открыл глаза, сделал шаг, другой, все быстрее и быстрее пошел прочь от проклятой двери. Идти было мучительно больно, как босиком по битому стеклу, но он прошагал пустым коридором до метро¹ медцентра Дальнего Востока,

¹ Метро — «мгновенный транспорт», возврат термина одного из самых массовых видов транспорта в XX — XXI вв.

где Аларика работала врачом-универсалистом «Скорой помощи», мельком увидел свое отражение в зеркальной плоскости входа, подождал, пока отпустит, и — всем корпусом в дверь!

На станции задерживаться не стал. Прямая линия сообщения с Москвой была занята, и он перенесся на Марс, так велико оказалось желание сбежать из этого вдруг опостылевшего места! Но на второй станции метро Марса Филипп задержался почти на сутки: решение было импульсивным и поэтому бесповоротным. Прямо со станции он ушел в горы, в один из наименее исследованных уголков Страны Огига. Боль сердца требовала выхода, каких-нибудь отчаянных действий, и он в бешеной удали пошел вверх, на гребень уступа Огига, через дикие скалы и каменные стены, над пропастями и обрывами, ухитряясь проходить там, где спасовали бы и более опытные скалолазы, привыкшие опираться на здравый смысл. Невесомый, как тень, он переносился по едва заметным полкам и карнизам над километровыми каньонами и ущельями горной страны... И — грудью о камни! пальцы в кровь! — беззвучный крик всего тела, всю мощь, и ловкость, и реакцию в едином порыве — на борьбу с камнем, на борьбу с самим собой...

А на совершенно лысой макушке одной из гор Огига он вдруг упал на колени и закричал:

— Аларика-а!..

Воздух Марса, воздух, созданный предками столетие назад, отозвался гулким вздохом и долго шумел, как океанский прибой, пока не смолкло эхо... солнце ушло за изломанную черту горизонта, и пришел смарагдовый закат... Назад Филипп спускался шесть часов...

Он очнулся, прошелся по комнате, легонько притрагиваясь пальцами к шершавым голубым стенам, гладким поверхностям аппаратуры, соседних конструкторских комбайнов — сотрудники лаборатории давно закончили работу, и комбайны на время осиротели.

Память... память — единственный мостик, связывающий прошлое с настоящим и будущим. Хрупкий, нематериальный мостик, по которому можно идти только в одну сторону — от прошедшего. Может быть, это и необходимо? Недаром кто-то в древности говорил: «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе». И все же иногда до смертной тоски хочется вернуться назад, со всем своим приобретенным опытом и умением, сделать все по-другому, иначе, лучше и правильно...

Филипп вздохнул, выключил автоматику конструкторского комплекса и обесточил аппаратуру лаборатории. Но не успел он выйти из комнаты, как между ним и дверью сформировалась из воздуха полупрозрачная плоскость, похожая на жидкое стекло. Постояла

секунду, подернутая рябью, и скачком превратилась в зеркало. На Филиппа смотрел он сам, оторопевший от неожиданности. Нога затекла, Филипп, опомнившись, отступил на шаг. Его отражение в зеркале послушно повторило жест.

«Шутки Угловского, — подумал Филипп, внезапно успокаиваясь. — Леня любит розыгрыши. Это или видеопризрак «динго»¹, или наведенная галлюцинация, и в том, и в другом случае я ничем не рискую. Ну погоди, шутник!»

Конструктор смело двинулся прямо на прямоугольник «зеркала», пробил телом неощутимую поверхность (точно, «динго»). Но вышел не к двери, а... в противоположную сторону, к пульту! «Зеркало» странным образом повернуло его обратно! Что за чертовщина!

Филипп еще раз шагнул в зеркальную плоскость... и снова вышел в глубь комнаты! Интересное «динго» получается, с пространственными вывертами. Не на это ли намекал Травицкий?.. Но как он мог предвидеть? Или это его рук дело?.. Чепуха! Кирилл не способен шутить так примитивно...

Упрямство не являлось семейной чертой характера Филиппа, но его разобрало любопытство, и он еще раз шесть настойчиво проверял возможности «зеркала» по «выворачиванию наизнанку». Неощутимая, гладкая на вид поверхность, не имевшая толщины — если посмотреть сбоку, — невозмутимо разворачивала входящего в него на сто восемьдесят градусов. Пробовал Филипп зайти и с другой стороны — с тем же результатом, «перевертыш» действовал одинаково как с фронта, так и с тыла. А когда Филипп собрался начать поиски «шутника», «зеркало» внезапно свернулось в нить, нить собралась в точку — и та исчезла.

Конструктор разочарованно потоптался на месте, потерял интерес к явлению, привел себя в порядок, собрался выходить из комнаты, и вдруг что-то заставило его остановиться. Он посмотрел на окно-стену, за которым сгущались сумерки. Вечер. Часов девять, десятый... Вечер?! Филипп не поверил глазам. Его наручный видео показывал десять минут пятого, в окно только что лился полуденный солнечный свет! Не мог же он так увлечься игрой с «зеркалом», чтобы не заметить, как пролетело пять часов! В таком случае был бы неисправен видео, а он работает нормально. Что произошло?

Филипп торопливо запросил службу времени, и женский голос сообщил ему точное время: двадцать один час двенадцать минут сорок секунд!

¹ «Динго» — динамическая голография — генератор голографических изображений, способных двигаться.

— Чуть какая-то! — вслух сказал Филипп и подумал: «Если только «зеркало» не обладает свойствами замедлять течение времени... Неужели научились создавать такие «динго»?»

С этой мыслью Филипп наконец-то выбрался из рабочей комнаты, пообещав себе разобраться с этим делом позже.

Вечером следующего дня Филипп, начисто забыв свою встречу с «зеркалом», посадил пинасс¹ в парке у Центрального спортивного комплекса «Россия», почти в центре Москвы. Многие мировые чемпионаты Земли и встречи сборных команд Солнечной системы по игровым видам спорта проходили в залах и на площадках этого комплекса...

Филипп бегом направился по аллее к служебному входу величественного здания, узнал у автоинформатора шифр помещения, где тренировалась сборная Русских равнин по волейболу, и через три минуты появился в просторной комнате психомассажа.

Потолок комнаты отсутствовал — такой достоверной была иллюзия голубого неба, пол напоминал скользкую поверхность ледяного поля. Низкие, бесформенные с виду кресла походили на клубы облаков.

Его встретили хором шуточных замечаний и упреков. Филипп быстро огляделся, забрался в свободное кресло и вдруг почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы тела и участилось дыхание. Впрочем, обычная «предсмертная лихорадка», или, как испокон веков говорили спортсмены всех рангов, мандраж.

— Точен, как бог времени, — похвалил его Ивар Гладышев, показывая большой палец. — Я поспорил, что ты придешь последним, и выиграл.

— Что наша жизнь — игра! — с притворной смиренностью вздохнул проигравший пари Павлов. — Опаздывает тот, кто не боится вылететь из команды. Поэтому я всегда прихожу раньше на три часа...

Они смеялись, перебрасывались шутками, Филипп тоже смеялся со всеми, что-то рассказывал, но он-то знал, видел, что за всеми этими разговорами и пикировкой у ребят одна мысль — впереди игра! И каждый исподволь готовил себя к главному — к выходу на игровую площадку, и неважно, где ты был до этого, что делал, чем недоволен или, наоборот, от чего счастлив. Все мысли и движения уже подчинялись властному ритму игры, уже отчетливо в ушах становился слышен тугий удар по мячу, уже сердце готовилось работать в великом темпе силовой отдачи... а до начала игры оставалось почти полтора часа.

¹ Здесь и далее названия транспортных средств соответствуют названиям морских судов XV — XVIII вв.